

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
30 January 2023
Russian
Original: English

Комитет по правам человека**Соображения, принятые Комитетом в соответствии
с пунктом 5 статьи 4 Факультативного протокола
относительно сообщения № 2926/2017* ** *****

<i>Сообщение представлено:</i>	Имраном Али и Бахтавар Али (представлены адвокатами д-ром Эйриком Бьорге и профессором Мадсом Анденасом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	Вахадж Али, Имран Али и Бахтавар Али
<i>Государство-участник:</i>	Норвегия
<i>Дата сообщения:</i>	4 января 2017 года (первоначальное представление)
<i>Справочная документация:</i>	решение, принятое в соответствии с правилом 92 правил процедуры Комитета и препровожденное государству-участнику 5 января 2017 года (в виде документа не издавалось)
<i>Дата принятия Соображений:</i>	14 июля 2022 года
<i>Тема сообщения:</i>	содержание под стражей до высылки
<i>Процедурный вопрос:</i>	приемлемость сообщения — исчерпание внутренних средств правовой защиты
<i>Вопросы существа:</i>	произвольное задержание — содержание под стражей; условия содержания под стражей; права ребенка; пытки; семейные права
<i>Статьи Пакта:</i>	7, 9, 17 (пункт 1) и 24
<i>Статья Факультативного протокола:</i>	статья 5 (подпункт 2 b))

* Приняты Комитетом на его сто тридцать пятой сессии (27 июня — 27 июля 2022 года).

** В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены Комитета: Тания Мария Абдо Рочоль, Вафа Ашраф Мохаррам Бассим, Яд Бен Ашур, Ариф Балкан, Махджуб эль-Хайба, Сюити Фуруя, Карлос Гомес Мартинес, Марсия В. Дж. Кран, Данкан Лаки Мухумуза, Фотини Пазардзис, Эрнан Кесада Кабрера, Василька Санцин, Жозе Мануэл Сантуш Паиш, Чхангрок Со, Кобойя Чамджа Кпача, Элен Тигруджа, Имэру Тэмэрэт Йыгэзу и Гентиан Зюбери.

*** Тексты совместных мнений членов Комитета Жозе Мануэла Сантуша Паиша и Имэру Тэмэрэта Йыгэзу (частично несогласное), Арифа Балкана и Элен Тигруджи (частично несогласное) и Сюити Фуруйи и Марсии В. Дж. Кран (несогласное), а также особое (совпадающее) мнение члена Комитета Данкана Лаки Мухумузы приводятся в приложении к настоящему соображению. Приложения распространяются только на том языке, на котором они были представлены.

1.1 Авторами сообщения являются граждане Афганистана Имран Али 1980 года рождения и Бахтавар Али 1983 года рождения. Они утверждают, что государство-участник нарушило права их сына Вахаджа Али, гражданина Афганистана 2012 года рождения, по статье 24 Пакта, и их собственные права по статьям 7, 9 и 17 (пункт 1) Пакта. Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 23 марта 1976 года. Авторы представлены адвокатами.

1.2 2 февраля 2018 года Комитет, действуя через Специального докладчика по новым сообщениям и временным мерам, постановил отклонить просьбу государства-участника о рассмотрении вопроса о приемлемости сообщения отдельно от его существа.

Факты в изложении авторов

2.1 Сообщение касается содержания под стражей авторов и их сына, которому на тот момент было от 1 до 2 лет, в находящемся в ведении норвежской полиции Центре содержания иммигрантов в Трандуме в течение 76 дней подряд. Авторы отмечают, что 18 июля 2012 года Иммиграционное управление отказало в удовлетворении их ходатайства о предоставлении убежища, а 5 февраля 2013 года Апелляционный совет по иммиграционным делам отклонил их жалобу. Они получили указание покинуть Норвегию до 13 марта 2013 года. Опасаясь за свою жизнь в случае возвращения в Афганистан, они обжаловали это решение, но 18 и 22 марта 2013 года получили отрицательные решения¹. 17 марта 2014 года авторы и их сын были депортированы в Афганистан. Однако по прибытии в Кабул они заявили, что являются гражданами Пакистана, в результате чего афганские власти отказали им во въезде в страну. 18 марта 2014 года авторы и их сын были заключены под стражу в находящемся в ведении полиции Центре содержания иммигрантов в Трандуме.

2.2 Решением от 19 марта 2014 года Окружной суд Осло постановил заключить семью под стражу до 2 апреля 2014 года. Суд счел, что тот факт, что семья не покинула Норвегию в течение более года после истечения установленного срока, подтверждает реальную возможность того, что авторы могут скрыться, тем более что при первоначальной депортации в Афганистан они заявили, что являются гражданами Пакистана. Поэтому их вернули в Норвегию, где они подтвердили, что являются гражданами Афганистана, и выразили твердое желание остаться в Норвегии. Суд заключил, что добровольно они в Афганистан не вернуться и что, поскольку они могут скрыться, альтернатив заключению под стражу нет. Суд сослался на статью 99 Закона об иммиграции о применении принудительных мер и Конвенцию о правах ребенка и рассмотрел довод авторов о том, что заключение под стражу будет несоразмерной мерой, поскольку у них имеется маленький ребенок, родившийся в мае 2012 года. Однако суд заключил, что в данных обстоятельствах мера заключения под стражу не являлась несоразмерной. Он постановил заключить семью под стражу в семейном блоке в центре в Трандуме, где их сын мог играть на детской площадке на открытом воздухе. Суд отметил в этой связи, что Служба социальной защиты детей не возражала против нахождения мальчика в семейном блоке. Семью должны были доставить в посольство Афганистана для получения проездных документов.

2.3 25 марта 2014 года Высокий суд Боргартинга оставил решение без изменений, а 1 апреля 2014 года оно было подтверждено двойным решением Верховного суда. Впоследствии Окружной суд Осло несколько раз принимал решения о заключении семьи под стражу: 2 апреля 2014 года — на четыре недели, 30 апреля 2014 года — на две недели, 14 мая 2014 года — на две недели (подтверждено Высоким судом Боргартинга 16 мая 2014 года) и 28 мая 2014 года — на две недели. Во всех этих последующих решениях излагаются те же основания, что в решении от 19 марта 2014 года. Хотя все эти решения касались и сына авторов, в качестве одной из сторон его не рассматривали. 2 июня 2014 года семья была выслана в Афганистан.

2.4 Авторы сообщают, что помещения центра в Трандуме не оснащены надлежащим образом для размещения семей с маленькими детьми более чем на одну

¹ Авторы не указывают, какой орган вынес эти решения по их жалобе.

ночь и что на более длительный срок большинство семей там не размещают. Эту семью поместили в маленькую камеру, которую на ночь запирали. Сын авторов был напуган присутствием полиции, его лихорадило. Он не мог есть «некачественную» пищу, вызвавшую у него аллергическую реакцию, и в результате он начал терять вес². Вначале сотрудники полиции не разрешали ему играть за пределами камеры: по их словам, это стало бы нарушением режима. Он начал плакать. В отчаянии г-жа Али стала биться головой о дверь камеры. Наконец, сотрудник полиции разрешил их сыну находиться вне камеры до 10 часов вечера. Когда позднее он заболел, к врачу обратились только спустя неделю. Хотя власти утверждают, что семейный блок огражден от остальной части центра, они слышали крики и вопли содержащихся под стражей лиц, в том числе всякий раз, когда выходили на открытую площадку, перемещались для консультации с врачом или адвокатом; они также стали свидетелями попыток членовредительства и самоубийства. Это сильно сказалось на их сыне, который плакал по ночам. По состоянию на 22 марта 2014 года сотрудники Службы социальной защиты детей семью еще не посетили. Авторы чувствовали себя совершенно подавленными.

2.5 Режим сна сына авторов был нарушен, и он перестал спать по ночам, что Служба социальной защиты детей объяснила отсутствием активности в течение дня. Его состояние ухудшалось, проявились такие симптомы, как высокая температура, особенно после 10 часов вечера. Одним вечером, когда ему было особенно плохо, авторы попросили разрешить им пройти в игровую комнату и обратиться к врачу, но получили отказ; после этого они начали искать предметы, с помощью которых они могли бы совершить самоубийство. Когда сотрудники Службы социальной защиты детей выводили их из центра для того, чтобы их сын мог поиграть, их сопровождали несколько сотрудников полиции в форме, что заставляло их чувствовать себя преступниками. Видя, как другие дети прибывают в центр и покидают его, они чувствовали себя еще более подавленными.

2.6 Согласно авторам, в докладе Комитета по правам человека Норвежской психологической ассоциации говорится, что условия в центре в Трандуме не позволяют содержать в нем детей, что он функционирует как «тюрьма», психологов или психиатров туда практически не допускают. В отчете отмечается, что тесный физический контакт, в котором могут нуждаться дети, в семейном блоке невозможен, а с игровой площадки видны высокие ограждения из колючей проволоки. Детям не разрешается иметь при себе свои игрушки, мягкие игрушки или одежду, а родители не могут определять режим жизни своих детей. Условия в центре стрессовые и нестабильные. В декабре 2015 года Омбудсмен норвежского парламента и Национальный превентивный механизм против пыток и жестокого обращения подвергли этот центр критике в связи с неподходящими для детей условиями как из-за уровня шума от расположенного неподалеку и крупнейшего в стране аэропорта, так и из-за того, что семейный блок не отделен от других блоков, в связи с чем дети становятся свидетелями беспорядков, инцидентов с членовредительством и попыток самоубийства. Глава Норвежского союза социальных педагогов и социальных работников утверждает, что содержание детей под стражей в Норвегии является незаконным, что в центре нет удовлетворительной психосоциальной среды для детей и что существующая практика нарушает положения Конвенции о правах ребенка.

2.7 Иммиграционная служба Национальной полиции (орган, ведающий работой центра) признала, что центр не является «оптимальным местом для ребенка». Данный центр — единственная тюрьма, не входящая в состав Национальной службы исправительных учреждений и поэтому не регулируется обычной системой полномочий норвежской полиции. Кроме того, Иммиграционная служба

² Авторы ссылаются на отчет Службы социальной защиты детей от 25 апреля 2014 года, в котором говорится, что г-н Али заявил, что у его сына была сыпь на больших участках кожи и что он похудел, возможно, из-за аллергической реакции на норвежские продукты питания. Поэтому авторам разрешили готовить еду, однако они жаловались, что не всегда могли получить свежие ингредиенты. Полиция указала, что семья имела возможность получить консультацию квалифицированного врача, который отнесся к кожным симптомам их сына со всей серьезностью.

Национальной полиции находится в прямом подчинении министров юстиции и иммиграции и, таким образом, подотчетна политическому руководству. По мнению авторов, прокуратура не стала бы требовать заключения под стражу детей, которое является нарушением норвежского уголовного законодательства.

2.8 Авторы утверждают, что они исчерпали внутренние средства правовой защиты, поскольку обращались по своему делу в судебную систему государства-участника на всех ее уровнях. Из основного решения Верховного суда³ становится ясно, что в случае обращения к дальнейшим средствам правовой защиты у них не было разумных оснований надеяться на успех.

2.9 В письме от 29 января 2017 года авторы указывают, что они проживают в Пакистане; к письму они прилагают медицинскую справку с рецептом на лекарства в связи с «фобиями» их сына.

Жалоба

3.1 На основании статьи 9 Пакта авторы утверждают, что задержание семьи было произвольным и незаконным. Содержание ребенка под стражей на основании миграционного статуса родителей в соответствии со статьей 9 незаконно при любых обстоятельствах и является нарушением прав ребенка⁴. Это тем более верно в данном случае, учитывая продолжительность содержания семьи под стражей и тот факт, что государственные органы не провели надлежащий анализ пропорциональности этой меры и не доказали неадекватность менее интрузивных мер. В результате реального анализа разрешение на содержание ребенка младшего возраста под стражей в течение 76 дней дано не было бы. По мнению экспертов Организации Объединенных Наций, обосновать помещение детей в иммиграционный центр содержания под стражей невозможно; такое содержание под стражей никогда не отвечает их наилучшим интересам и является явным нарушением прав ребенка⁵. Со своей стороны, Комитет по правам ребенка и Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев заявляли, что содержание детей под стражей оказывает разрушительное воздействие на их физическое, эмоциональное и психологическое развитие⁶. В данном случае заключение семьи под стражу неизбежно вызвало тревожность у сына авторов. Ему пришлось присутствовать на допросах и судебных заседаниях, а когда его выводили из центра, это происходило в сопровождении сотрудников полиции. Тот факт, что на ночь помещение, где находилась семья, запирали, имел серьезные негативные последствия для его благополучия, прямые и косвенные, поскольку ему приходилось видеть страдания своих родителей. Семейный блок отделен от блока для взрослых ненадлежащим образом, в результате чего у маленьких детей возникает сильная реакция на то, чему они являются свидетелями.

³ См. решение HR-2016-00619-U от 18 марта 2016 года.

⁴ См.: Основные принципы и Руководящие положения в отношении средств правовой защиты и процедур, связанных с правом любого лишенного свободы лица обращаться в суд, содержащиеся в приложении к докладу Рабочей группы по произвольным задержаниям (A/HRC/30/37), пп. 113–114; доклад Специального докладчика по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания Хуана Э. Мендеса (A/HRC/28/68), 5 марта 2015 года, п. 80; а также: Европейский суд по правам человека, *Popov v. France*, Application Nos. 39472/07 and 39474/07, Judgment (merits and just satisfaction), 19 January 2012; *A.B. and Others v. France*, Application No. 11593/12, Judgment; *A.M. and Others v. France*, Application No. 24587/12, Judgment; *R.C. v. France*, Application No. 76491/14, Judgment; *R.K. and Others v. France*, Application No. 68264/14, Judgment; *R.M. and Others v. France*, Application No. 33201/11, Judgment.

⁵ УВКПЧ, “Children and families should never be in immigration detention – UN experts”, URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2016/12/children-and-families-should-never-be-immigration-detention-un-experts> (авторы не ссылаются на какое-либо конкретное заявление Комитета по правам ребенка).

⁶ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, “Beyond Detention: A Global Strategy to support governments to end the detention of asylum-seekers and refugees”, p. 5.

3.2 Авторы заявляют о дополнительном нарушении статьи 9 Пакта, поскольку норвежское законодательство не отвечает требованиям Пакта в отношении качества и ясности законодательного режима, на основании которого возможно лишение свободы. Статья 106 (подпункт 1 b)) Закона об иммиграции предусматривает, что «иностранец может быть задержан и заключен под стражу, если... имеются конкретные основания подозревать, что иностранец может уклониться от выполнения административного решения, в соответствии с которым он обязан покинуть территорию Королевства». В соответствии со статьей 106 (пункт 3), «статьи 174–191 Закона об уголовно-процессуальных нормах применяются по мере необходимости». Формулировку «по мере необходимости» подвергала критике Комиссия Хусабё. По мнению авторов, неясно, какие из статей 174–191 применимы к детям; этот недостаток ясности очевиден, например, в случае статьи 185 (пункт 2), которой устанавливается максимальный срок заключения под стражу в две недели. Авторы утверждают, что как представляется, при принятии некоторых решений по данному делу статья 185 (пункт 2) была сочтена применимой, однако при принятии других решений — нет. Суды, как правило, избирают меру в виде заключения под стражу на срок две недели и многократно продлевают этот срок. Хотя согласно статье 184 Закона об уголовно-процессуальных нормах заключение детей под стражу должно быть только крайней мерой, по данным Комиссии Хусабё, этот стандарт упоминается только в половине случаев.

3.3 Авторы заявляют о нарушении статей 7 и 9 Пакта, поскольку произвольный характер заключения семьи под стражу, его длительность и тяжелые условия содержания под стражей, включая нестабильность обстановки, свидетельство случаев членовредительства или самоубийства или страх перед ними и ненадлежащие услуги в области физического и психического здоровья в совокупности нанесли семье серьезный и необратимый вред.

3.4 Авторы заявляют также о нарушении прав их сына по статье 24 Пакта и нарушении статьи 17 (пункт 1) Пакта, касающемся всей семьи. Государственные органы не предприняли почти ничего для избрания других, менее интрузивных, чем содержание под стражей, мер, таких как размещение семьи в ином виде жилья или наложение на нее обязательства сообщать о своем местонахождении — условие, на которое, по словам авторов, они согласились бы. Кроме того, в своем решении от 25 марта 2014 года Высокий суд Боргартинга отклонил возможность избрания мер, не связанных с лишением свободы, на том основании, что авторы не указали иного, чем центр в Трандуме, места для проживания, хотя их адвокат предлагал им остаться в центре для просителей убежища. Государственные органы и суды не изучили возможность избрания мер, не связанных с заключением под стражу, не представили доказательств того, что была изучена соразмерность меры заключения под стражу, и не учли должным образом ситуацию сына авторов.

3.5 Авторы ходатайствуют о том, чтобы: государство-участник признало нарушения Пакта; принесло семье извинения; предоставило им адекватную компенсацию, в том числе за душевные и психологические страдания, в размере 50 000 долл. США на каждого члена семьи, а также возместило расходы на юридическое представительство в размере 10 000 долл. США. Они также просят государство-участник: дать гарантии того, что оно прекратит содержание детей в центре в Трандуме и что в тех случаях, когда его органы считают заключение иммигрантов под стражу необходимым, оно будет проводить надлежащую и индивидуальную оценку такой необходимости; рассмотреть возможность избрания менее интрузивных альтернативных мер; предусмотреть процедуру независимого периодического пересмотра необходимости дальнейшего содержания под стражей; обеспечить эффективный судебный контроль. Они просят также внести изменения в норвежское законодательство, чтобы исключить любую форму заключения детей под стражу на основании их иммиграционного статуса или такого статуса их родителей, или же в связи с правонарушениями в области иммиграции.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения

4.1 В своих замечаниях от 14 марта 2017 года⁷ государство-участник утверждает, что сообщение является неприемлемым по причине исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку авторы не обжаловали решения Окружного суда от 2 апреля, 30 апреля и 28 мая 2014 года или решение Высокого суда Боргартинга от 16 мая 2014 года. Государство-участник отмечает, что они имели право на бесплатную юридическую помощь и что у них было два высококвалифицированных адвоката.

4.2 Государство-участник отмечает, что авторы не просили отменить касающиеся их постановления о заключении под стражу в соответствии с заключительной частью статьи 184 Закона об уголовно-процессуальных нормах и статьей 106 Закона об иммиграции. Они также не ходатайствовали в суде о своем освобождении в соответствии с заключительной частью статьи 185 Закона об уголовно-процессуальных нормах: соответствующее постановление суд может принять «в любой момент времени», если установит, что полиция «не предпринимает достаточно оперативных действий, которые ей следует предпринять» для получения удостоверяющих личность документов, необходимых для высылки, и что «дальнейшее содержание под стражей нецелесообразно». Наконец, авторы не просили об освобождении в соответствии со статьей 187 (пункт а)) Закона об уголовно-процессуальных нормах, согласно которой лицо, заключенное под стражу, «должно быть освобождено, как только суд или орган прокуратуры установит, что основания для заключения под стражу более не существуют».

4.3 Государство-участник утверждает, что внутренние средства правовой защиты были доступны и эффективны. Во-первых, решение Верховного суда по делу HR-2016-00619-U датируется двумя годами после задержания семьи и, таким образом, не исключает возможности успешного обжалования решений судов. Во-вторых, это решение касалось задержания семьи на 8 дней с предусмотренной высылкой еще через 10 дней, а не на 76 дней, о которых идет речь в данном деле, а ранее Верховный суд постановлял, что суды должны более строго оценивать ходатайства о продлении срока заключения под стражу с течением времени (издание Rt. 2007, стр. 797). Таким образом, решения Верховного суда от 1 апреля 2014 года, вынесенные после 14 дней заключения под стражу, не исключали возможности успеха будущих апелляций. Авторы могли обоснованно ожидать другой оценки Верховного суда на более поздней стадии их содержания под стражей. В-третьих, утверждение об отсутствии разумных оснований надеяться на успех опровергается пристальным вниманием, с которым суды разных уровней рассматривают ходатайства о заключении под стражу в соответствии со статьей 106 Закона об иммиграции, и их постановлениями об освобождении, если заключение под стражу не является соразмерной мерой или не соответствует международным обязательствам Норвегии. Государство-участник ссылается на решение Окружного суда Осло от 1 октября 2014 года об освобождении из-под стражи матери и ее 3-летней дочери и на решение Высокого суда Боргартинга от 12 августа 2016 года об освобождении семьи с четырьмя детьми.

4.4 Помимо этого, авторы не ссылались на статьи 7, 9, 17 (пункт 1) или 24 Пакта и не заявляли по существу о нарушении статей 7, 17 или 24 Пакта в Верховном суде. Они также не поднимали вопрос о неясности относительно того, какие из гарантий, предусмотренных в статьях 174–191 Закона об уголовно-процессуальных нормах, применяются к детям, заключенным под стражу. Они могли бы передать этот вопрос в Верховный суд, который может пересмотреть применение закона к обстоятельствам дела.

⁷ Государство-участник прилагает 15-страничную пояснительную записку о предусмотренных норвежским законодательством процедурах исчерпания внутренних средств правовой защиты в делах о предоставлении убежища и заключении под стражу.

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника относительно приемлемости

5.1 В своих комментариях от 10 апреля 2017 года авторы утверждают, что государство-участник не оспаривает тот факт, что, обратившись в Верховный суд в связи с первым периодом их содержания под стражей до 2 апреля 2014 года, они исчерпали внутренние средства правовой защиты. Они утверждают также, что исчерпали все эффективные внутренние средства правовой защиты, дающие им разумные основания надеяться на успех, в связи со всем периодом их содержания под стражей. Решения Верховного суда от 1 апреля 2014 года стали одними из первых, в которых он высказался по вопросу заключения под стражу детей-мигрантов. Стало понятно, что впредь суд будет одобрять такое заключение под стражу, за исключением случаев резкого изменения положения авторов. В удовлетворении следующей полученной им жалобы в связи с заключением ребенка под стражу в 2016 году суд отказал, и ни в одном случае он не признал незаконным содержание в центре в Трандуме семей с малолетними детьми.

5.2 Авторы не согласны с тем, что заключительные части статей 184 и 185 и статья 187 Закона об уголовно-процессуальных нормах были бы эффективны, поскольку было бы бессмысленно ходатайствовать о прекращении содержания семьи под стражей в иных инстанциях, кроме Окружного суда Осло, рассматривавшего вопрос о законности заключения под стражу в начале каждого нового периода. Более того, статьи 185 и 187 касаются уголовного судопроизводства, что в данном случае неприменимо.

5.3 Авторы утверждают, что государство-участник пытается отложить рассмотрение сообщения Комитетом, с тем чтобы продлить возможность заключения под стражу детей-мигрантов в контексте общенациональных выборов 2017 года. Они отмечают, что «в тех случаях, когда судебная практика высшего суда страны урегулировала рассматриваемый вопрос, тем самым исключив любую надежду на успех обжалования в национальных судах, авторы не обязаны исчерпывать внутренние средства правовой защиты»⁸. Они отмечают также, что в соответствии с международной судебной практикой «достаточно, если истец довел свой иск до высшей инстанции национального органа», и «если результатом станет повтор уже вынесенного решения», необходимости задействовать дополнительные средства правовой защиты нет⁹. Поскольку у авторов были опытные адвокаты, они прекрасно понимали, что делают, не обратившись с обжалованием всех решений.

5.4 Кроме того, авторы утверждают, что компетенции Верховного суда в части пересмотра ограничены. В своих решениях от 1 апреля 2014 года Верховный суд отметил, что его компетенция ограничивается проверкой соответствия порядка прохождения дела в суде и юридического толкования Высоким судом, в соответствии со статьей 388 (пункт 1) Закона об уголовно-процессуальных нормах и решениями самого Верховного суда (издание Rt. 1998, стр. 1599). Поэтому суд не принял во внимание ссылки авторов на статью 3 Конвенции о правах ребенка и статью 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская конвенция по правам человека). Он также не мог рассматривать вопрос о пропорциональности и необходимости избрания такой меры, как заключение под стражу, и любые новые факты. Кроме того, упомянутое решение Верховного суда (издание Rt. 2007, стр. 797) в данном случае не релевантно, поскольку в их деле суд использовал другой подход. Государство-участник никогда ранее не утверждало, что

⁸ *Имари Лянсман и другие против Финляндии* (CCPR/C/52/D/511/1992), п. 6.2.

⁹ *Salem Case (Egypt, USA)* (8 June 1932), Reports of International Arbitral Awards (RIAA), vol. II, pp. 1161 and 1189; Permanent Court of International Justice, *Panevezys-Saldutiskis* (1939), Series A/B, No. 76, p. 18; European Commission of Human Rights, *X. v. Austria* (1960), 30 *International Law Records (ILR)* 268, 271, para. 202; *Interpretation of Article 24 of the Treaty of Finance and Compensation of 27 November 1961 (Austria v. Federal Republic of Germany)* (15 January 1972), Reports of International Arbitral Awards (RIAA), vol. XIX, pp. 3 and 16; Третий доклад по вопросу о дипломатической защите, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Джоном Дугардом (A/CN.4/523), п. 42.

Верховный суд может рассматривать вопрос о совместимости содержания под стражей с обязательствами государства-участника, вытекающими из международных договоров по правам человека.

5.5 Кроме того, решением от 16 мая 2014 года Высокий суд Боргартинга оставил без изменений решение о заключении семьи под стражу, которое к тому времени длилось уже восемь недель, что свидетельствует о том, что ни одна апелляционная инстанция не признала бы задержание незаконным на любом более раннем этапе или в связи с решением Окружного суда Осло от 28 мая 2014 года.

5.6 23 июня 2017 года авторы представили копию решения Высокого суда Боргартинга от 31 мая 2017 года о признании незаконным содержания под стражей в центре в Трандуме семьи с детьми в течение «гораздо более короткого срока» в 2014 году. 22 августа 2017 года авторы объяснили, что решение суда вступило в законную силу¹⁰.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

6.1 В своих замечаниях от 6 июня 2018 года государство-участник отмечает доводы судов при вынесении и подтверждении решения о заключении семьи под стражу, в том числе в части прав их сына. В сообщении опущена следующая информация: те части решения Высокого суда Боргартинга от 25 марта 2014 года, в которых рассматривалось его положение в центре в Трандуме; меры, не связанные с лишением свободы; информация о намерении полиции доставить семью в посольство Афганистана для получения документов. Государство-участник отмечает также, что в своем ходатайстве от 28 марта 2014 года полиция сообщила Окружному суду Осло, что, по мнению Службы социальной защиты детей, сыну авторов лучше оставаться с родителями и больше времени проводить на детской площадке на свежем воздухе. Служба также рекомендовала дать ему больше игрушек или принести новые игрушки и сообщила о своем намерении посещать семью раз в неделю. Полиция сообщила, что с 24 марта 2014 года семью больше не запирали на ночь, а перевели в подходящую комнату рядом с игровой. На следующий день их отвезли в досуговый центр, где у них была возможность готовить и играть. Поскольку их сын был простужен с момента их приезда, каждый день с понедельника по пятницу его осматривала медсестра. Полиция заявила, что в семейном блоке работает квалифицированный персонал, имеющий навыки взаимодействия с данной целевой группой, и что были приняты меры для того, чтобы семья могла самостоятельно принимать больше решений.

6.2 Впоследствии полиция сообщила Окружному суду, что Служба социальной защиты детей посетила семью 25 апреля 2014 года и обнаружила, что, несмотря на кризисную ситуацию, сын авторов, похоже, не сильно страдал от происходящего вокруг него, хотя ему и было бы полезно проводить время на свежем воздухе за пределами центра. 30 апреля 2014 года Окружной суд Осло удовлетворил ходатайство о продлении срока заключения под стражу, однако в интересах мальчика установил срок не в четыре недели в соответствии с ходатайством, а в две недели. Окружной суд заключил, что ребенку этого возраста не следует жить в центре в Трандуме, по крайней мере это не должно происходить в течение длительного времени. Он отметил, что Служба социальной защиты детей будет посещать семью два раза в неделю и что в течение четырехнедельного периода ребенка предполагалось три раза вывезти из центра для различных мероприятий.

6.3 14 мая 2014 года Окружной суд вновь постановил оставить семью под стражей на две недели, а не на четыре в соответствии с ходатайством, установив, «с некоторыми сомнениями», что дальнейшее содержание под стражей не является несоразмерной мерой. 16 мая 2014 года Высокий суд Боргартинга отклонил апелляцию авторов, подчеркнув прогресс в работе полиции по возвращению семьи в Афганистан и высказав мнение, что их сын, учитывая его весьма юный возраст, скорее всего не

¹⁰ Авторы ссылаются на публикацию о судебном решении, размещенную по следующему адресу: <https://idcoalition.org/news/historic-norway-ruling-detention-of-children-is-inhumane/>.

испытывал на себе тех последствий содержания под стражей, которые могли бы испытывать дети постарше. 28 мая 2014 года Окружной суд Осло вновь постановил продлить заключение семьи под стражу на две недели вместо запрошенных четырех недель.

6.4 Государство-участник утверждает, что авторы описывают центр в Трандуме неточно, и отмечает, что Иммиграционная служба Национальной полиции подчиняется Главному управлению полиции. Этот центр, в котором, в частности, есть общая гостиная, кухня, двор и помещение для занятий, оборудован для семей с детьми. В отчете наблюдательного совета центра за 2016 год говорится, что семейный блок хорошо организован и укомплектован кадрами, что он не похож на тюрьму, а площадка на улице отвечает потребностям детей. Персонал в отделении в основном женский, с опытом работы с семьями. Имеется достаточно широкий выбор и достаточное количество продуктов питания и напитков. Спектр медицинских услуг здесь шире, чем для большинства иностранцев в Норвегии. Семьи с детьми ограждаются от контактов с другими содержащимися под стражей лицами, насколько это практически возможно. В 2014 году беспорядков в учреждении не было. Единственный случай членовредительства в 2014 году — случай самой г-жи Али. В декабре 2017 года из центра в Трандуме семейный блок был переведен в другое место. В марте 2018 года норвежский парламент принял законодательный акт, в соответствии с которым детей можно заключать под стражу только в крайнем случае и которым установлены новые ограничения срока содержания под стражей.

6.5 Государство-участник отмечает, что семейный блок был укомплектован дополнительными кадрами, чтобы обеспечить семье достаточную поддержку. Государство-участник ссылается на журнал информационной системы полиции (UTSYS), в котором зарегистрированы факты проведения контроля, выдачи лекарств и приема у врача, касающиеся семьи¹¹. В связи с изменением распорядка дня, помещение, в котором находилась семья, запиралось на ночь только до 24 марта 2014 года. Распорядок дня применялся гибко; в основном авторы выходили во двор или перемещались в комнату для занятий, когда хотели. Медсестры и врач почти ежедневно оказывали им необходимую помощь и оценивали состояние их сына, чтобы убедиться, что в целом оно хорошее. Персонал предложил семье отправиться на детскую площадку за пределами центра. Их сопровождали охранники, поскольку ранее г-н Али пытался бежать. Иммиграционная служба Национальной полиции тесно сотрудничала со Службой социальной защиты детей, в том числе в части вопроса о целесообразности помещения мальчика в кризисный центр. Государство-участник не может оценить содержание медицинской справки о фобиях сына авторов, выданной более чем через два года после их пребывания в центре.

6.6 Государство-участник не согласно с тем, что авторы исчерпали внутренние средства правовой защиты в связи с первым периодом их содержания под стражей, поскольку они не обращались с изложенными в сообщении жалобами в суды. Помимо этого, они не исчерпали средства правовой защиты в связи со статьями 7 и 17 Пакта в отношении всего периода их содержания под стражей или средства правовой защиты в связи со статьями 9 и 24 в отношении периода после 2 апреля 2014 года. Сомнения, высказанные судами (см. пункты 6.2–6.3 выше), показывают, что их оценки не были статичными.

6.7 Государство-участник отмечает, что в своем решении от 31 мая 2017 года о заключении под стражу другой семьи Высокий суд Боргартинга счел, что Закон об иммиграции допускает заключение под стражу детей вместе с родителями, что содержащаяся в Законе об иммиграции ссылка на Закон об уголовно-процессуальных нормах достаточно ясна для предотвращения произвольных задержаний и что статьи 184 и 187 Закона об уголовно-процессуальных нормах применяются в

¹¹ Государство-участник отмечает, что с 28 по 31 марта 2014 года журнал системы не функционировал, однако полиция указала, что в этот период соблюдался тот же распорядок дня, предлагались прогулки и занятия вне установленного графика.

иммиграционных делах¹². Однако суд счел продолжение содержания под стражей несоразмерной мерой и признал нарушения статей 3, 5 (пункт 1) и 8 Европейской конвенции по правам человека, статей 3 и 37 (пункты а) и б)) Конвенции о правах ребенка, а также второго предложения статьи 93 и второго предложения статьи 94 Конституции Норвегии. По мнению государства-участника, это свидетельствует о том, что разумные основания надеяться на эффективность внутренних средств правовой защиты существовали.

6.8 Государство-участник отмечает, что компетенция Верховного суда ограничивается пересмотром того, как Высокий суд рассматривал дело, и его толкования закона, включая то, достаточно ли он обосновал свою оценку соразмерности. Однако компетенция Верховного суда не ограничивается применением Высоким судом принципов прав человека, изложенных в Конституции или Законе о правах человека.

6.9 Государство-участник утверждает, что обстоятельства, связанные с семейным блоком центра в Трандуме, не нарушают права семьи по статье 7 Пакта, поскольку помещения и возможность различных занятий, медицинские услуги и Служба социальной защиты детей были достаточно адекватными для обеспечения их физической и психологической неприкосновенности и человеческого достоинства (см. пункты 6.1–6.5 выше).

6.10 Что касается жалобы по статье 9 Пакта, то государство-участник утверждает, что заключение семьи под стражу имело под собой правовую основу, и ссылается на решения судов. Статьей 106 Закона об иммиграции предусматривается заключение под стражу «иностранцев», к которым относятся взрослые и дети до 15 лет. Содержащаяся в Законе об иммиграции ссылка на Закон об уголовно-процессуальных нормах достаточно ясна в том, что касается условий содержания под стражей семей с детьми. Поле, в котором полиция и суды могут действовать по своему усмотрению, достаточно узко для того, чтобы исключить произвольное задержание. Кроме того, Европейский суд по правам человека не приходил к выводу о нарушении статьи 5 Европейской конвенции по правам человека во всех делах, на которые ссылаются авторы, а отрывок из доклада Комиссии Хусабё, на который они ссылаются, касается детей, являющихся самостоятельными просителями убежища.

6.11 Государство-участник утверждает, что Пакт не предусматривает «столь тонкой оценки соразмерности», о которой говорят авторы, и что суды изложили разумные основания относительно необходимости и соразмерности заключения под стражу. Комитет по правам человека и Комитет по правам ребенка не исключили возможности заключения детей под стражу¹³. Хотя Рабочая группа по произвольным задержаниям и Комитет по правам ребенка считают недопустимым заключение детей под стражу исключительно из-за миграционного статуса их родителей, норвежским законодательством подобного определения не предусмотрено. Семьи заключают под стражу только в том случае, если они не сотрудничают в том, что касается их возвращения, и если существует реальный риск того, что они скроются, как в данном случае. Наилучшие интересы ребенка должны быть оценены в конкретном случае. Это также было сделано в случае сына авторов, в том числе в различные периоды времени. В случаях, когда имеются достаточные основания для заключения под стражу родителей, зачастую совместное нахождение ребенка и его родителей отвечает интересам ребенка. Поскольку Иммиграционная служба Национальной полиции и суды сочли, что менее интрузивные меры были недостаточны, учитывая риск побега, содержание под стражей не было несоразмерным. Продолжительность содержания

¹² Государство-участник отмечает, что такое понимание Закона об уголовно-процессуальных нормах было подтверждено в предложении нового нормативно-правового акта Министерства юстиции (Pror. 126 L (2016-2017)), стр. 37 и 42) и теперь отражено в измененной статье 106 b, § 6, Закона об уголовно-процессуальных нормах. Министерство признало, что статья 185, § 6, этого закона в иммиграционных делах не применима.

¹³ Государство-участник ссылается на замечание общего порядка № 6 (2005) Комитета по правам ребенка об обращении с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения, пп. 61–63.

под стражей, хотя и нежелательная, была обусловлена отказом родителей сотрудничать и регулярно пересматривалась.

6.12 По тем же причинам государство-участник считает, что заключение семьи под стражу было разумным, необходимым и соразмерным, а соответственно статьи 17 или 24 Пакта нарушены не были.

6.13 Государство-участник отмечает, что в соответствии с Пактом Комитет не наделен прямым мандатом выносить заключения относительно средств правовой защиты в случае нарушения Пакта. В любом случае, государство-участник не считает мнения Комитета юридически обязательными. Если Комитет установит факт нарушения, это будет являться достаточным возмещением ущерба. Нет причин отступать от правила Комитета не указывать денежные суммы. Несмотря на свое мнение, государство-участник решило выделить сыну авторов компенсацию в размере 70 000 норвежских крон¹⁴, учитывая уникальные особые обстоятельства его пребывания в центре в Трандуме. Государство-участник утверждает, что это является достаточным возмещением на тот случай, если будет установлен факт нарушения. Требование о внесении изменений в законодательство выходит за рамки требований о неповторении. Требование о неповторении более неактуально (см. пункт 6.4 выше).

Комментарии авторов к замечаниям государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

7.1 В своих комментариях от 19 июня 2018 года авторы утверждают, что предложенная компенсация не дает оснований для мирового соглашения и не является удовлетворительным возмещением (см. пункт 3.5 выше). Размер предложенной компенсации недостаточен, учитывая международные и норвежские прецеденты¹⁵.

7.2 В своих комментариях от 18 августа 2018 года авторы утверждают, что предложение государства-участника о компенсации равносильно признанию нарушения Пакта. Они не согласны с изложением фактов государством-участником. Они утверждают, что не могут доказать нарушения, имевшие место во время их содержания под стражей, и что бремя доказывания отсутствия нарушений лежит на государстве-участнике¹⁶. Замечание государства-участника о том, что в период с 28 по 31 марта 2014 года, когда не функционировал журнал информационной системы в центре в Трандуме, соблюдался тот же распорядок дня, является не более чем утверждением. Ни это утверждение, ни сам журнал принимать на веру нельзя. Дверь в камеру запиралась каждую ночь их пребывания. Консультации врача не было. Замечание государства-участника о том, что медсестры оказывали им помощь практически ежедневно, свидетельствует о том, насколько тяжелым было для них пребывание в этом учреждении.

7.3 Авторы утверждают, что решение Высокого суда Боргартинга от 31 мая 2017 года о возмещении ущерба отходит от неизменной судебной практики и касается семьи, которая безуспешно оспаривала свое заключение под стражу. Кроме того, это решение было вынесено через три года после депортации семьи авторов.

Дополнительные замечания государства-участника

8.1 В своих дополнительных замечаниях от 19 сентября 2018 года государство-участник отмечает, что оно выделило сыну авторов 70 000 норвежских крон. Государство-участник утверждает, что ссылка авторов на рассуждения о бремени доказывания в решении Международного суда по делу *Диалло* не может быть принята,

¹⁴ Приблизительно 7350 евро на момент представления замечаний государства-участника.

¹⁵ Авторы ссылаются на сумму в 85 000 долларов, присужденную Международным Судом в случае заключения под стражу одного человека в деле *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo)*, *Compensation, Judgment, I.C.J. Reports 2012*, p. 324, и на решение Апелляционного суда Осло о выплате 40 000 норвежских крон каждому из детей в деле другой семьи, содержавшейся в центре в Трандуме.

¹⁶ *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo)*, *Merits, Judgment, ICJ Reports 2010*, pp. 639 and 660–661, para. 55.

поскольку то дело касалось процессуальных гарантий, в отличие от утверждений в настоящем деле. В качестве отправной точки именно авторы должны доказать свои утверждения. Государство-участник считает, что оно выполнило свое обязательство по представлению соответствующих доказательств в том случае, когда оно находится в лучшем для получения соответствующих доказательств положении, чем другая сторона.

8.2 Государство-участник ссылается на решение Европейского суда по правам человека по делу *I.F. v. Norway and I.F.F. v. Norway* в отношении афганской семьи с годовалой дочерью, которая жаловалась на свое содержание под стражей в центре в Трандуме в 2016 году¹⁷. Суд объявил заявления неприемлемыми по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты на основании решения Высокого суда Боргартинга от 31 мая 2017 года.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

9.1 Согласно правилу 97 своих правил процедуры, прежде чем рассматривать содержащиеся в сообщении жалобы, Комитет должен установить, является ли данная жалоба приемлемой в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

9.2 В соответствии с требованиями статьи 5 (пункта 2 а)) Факультативного протокола, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

9.3 Комитет принимает к сведению замечание государства-участника о том, что сообщение неприемлемо по причине неисчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку авторы не обжаловали решения Окружного суда от 2 апреля, 30 апреля и 28 мая 2014 года или решение Высокого суда Боргартинга от 16 мая 2014 года. Комитет принимает к сведению также утверждение авторов о том, что они исчерпали все эффективные внутренние средства правовой защиты, на успешное применение которых они имели разумные основания надеяться, учитывая решения Верховного суда от 1 апреля 2014 года, ограниченный объем проводимого этим судом пересмотра и тот факт, что он не рассматривает напрямую доводы, касающиеся прав человека авторов, на которые они ссылались. Комитет далее принимает к сведению их довод о том, что решение Высокого суда Боргартинга от 16 мая 2014 года свидетельствует о том, что ни одна апелляционная инстанция не признала бы задержание незаконным на любом более раннем этапе. Комитет принимает к сведению их довод о том, что решение Окружного суда Осло от 28 мая 2014 года свидетельствует о неэффективности обращения к любым дальнейшим средствам правовой защиты, поскольку к тому времени они уже находились под стражей в течение восьми недель. Тем не менее Комитет отмечает, что сомнения Окружного суда Осло относительно соразмерности дальнейшего заключения под стражу, выраженные в его решениях от 30 апреля 2014 года и 14 мая 2014 года, согласуются с замечанием государства-участника о том, что согласно практике решений Верховного суда, с течением времени суды должны оценивать ходатайства о продолжении содержания под стражей более строго. Поэтому Комитет считает, что решения Верховного суда от 1 апреля 2014 года не свели на нет возможность успеха будущих апелляций. В этом свете Комитет считает, что довод авторов о бесполезности обращения к дальнейшим средствам правовой защиты не освобождает их от этой необходимости, поскольку национальные суды должны были дать фактическую оценку в их деле. Комитет заключает, что авторы не исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении их содержания под стражей после 2 апреля 2014 года.

9.4 Принимая к сведению замечание государства-участника о том, что авторы не задействовали процедуры, предусмотренные заключительной частью статьи 184 Закона об уголовно-процессуальных нормах и статьей 106 Закона об иммиграции или

¹⁷ Решение от 28 июня 2018 года (заявления № 62363/16 и № 62803/16).

заключительными частями статей 185 и 187 (пункт а)) Закона об уголовно-процессуальных нормах, Комитет отмечает, что государство-участник не объяснило, появилось ли бы у авторов больше шансов добиться своего освобождения в случае обращения к этим процедурам, чем в случае тех средств правовой защиты, которыми они воспользовались. В свете вышеизложенного Комитет считает, что авторы исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты в том, что касается их содержания под стражей с 19 марта 2014 года по 2 апреля 2014 года.

9.5 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что при своем обращении в Верховный суд авторы не ссылались на статьи 7, 9, 17 (пункт 1) или 24 Пакта или на существо статей 7, 17 или 24 Пакта. Однако Комитет принимает к сведению также то, что в своей жалобе в Верховный суд авторы сослались на свою апелляционную жалобу в Высокий суд Боргартинга, в которой они ссылались на статью 5 Европейской конвенции о правах человека и статью 3 Конвенции о правах ребенка. Таким образом, Комитет убедился в том, что авторы изложили в национальных судах существо своих требований по статьям 9 и 24 Пакта, но не может констатировать, что они излагали в них существо своих требований по статьям 7 и 17 (пункт 1) Пакта. Поэтому Комитет заключает, что статья 5 (подпункт 2 b)) Факультативного протокола не препятствует рассмотрению им сообщения в части утверждений по статьям 9 и 24 Пакта, объявляет сообщение приемлемым как касающееся этих статей в связи с содержанием семьи под стражей в период с 19 марта 2014 года по 2 апреля 2014 года и переходит к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение по существу

10.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение с учетом всей предоставленной ему сторонами информации.

10.2 Комитет принимает к сведению довод авторов о том, что: содержание семьи под стражей было произвольным и незаконным в соответствии со статьей 9 Пакта, поскольку основа норвежского законодательного режима лишения свободы недостаточно ясна; надлежащего обоснования заключения под стражу как необходимой, соразмерной и наименее инвазивной меры представлено не было; заключение под стражу ребенка на основании миграционного статуса родителей незаконно при любых обстоятельствах.

10.3 Комитет напоминает, что, хотя содержание под стражей в процессе рассмотрения дел об иммиграционном контроле само по себе не является произвольным, такое содержание должно быть оправданным исходя из соображений разумности, необходимости и соразмерности в свете обстоятельств и должно подлежать пересмотру с течением времени¹⁸. Комитет напоминает также, что в решении о заключении под стражу должны учитываться соответствующие обстоятельства каждого конкретного случая и что оно не должно носить характера обязательной нормы, касающейся широкой категории лиц; при этом должно учитываться наличие менее жестких мер достижения тех же самых целей, как, например, обязанность встать на учет, поручительство или другие меры, препятствующие побегу; а также такое решение должно подлежать периодической переоценке и пересмотру в судебном порядке¹⁹. Комитет напоминает также, что дети не подлежат лишению свободы, кроме как в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени с учетом первостепенного обеспечения их наилучших интересов с точки зрения продолжительности и условий их содержания под стражей и с учетом их крайней уязвимости и потребностей в уходе за несопровождаемыми несовершеннолетними²⁰.

10.4 Что касается данного дела, то Комитет отмечает, что семья была задержана в соответствии с постановлением Окружного суда Осло от 19 марта 2014 года на основании статьи 106 (подпункт 1 b)) Закона об иммиграции, которая

¹⁸ Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, п. 18.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, пп. 18 и 62.

предусматривает, что «иностранный гражданин может быть задержан и заключен под стражу, если... имеются конкретные основания подозревать, что иностранный гражданин может уклониться от выполнения административного решения, в соответствии с которым он обязан покинуть территорию Королевства». Комитет отмечает также, что соответствующие подготовительные материалы подтверждают замечание государства-участника о том, что термин «иностранный гражданин» вводился как охватывающий взрослых и детей²¹. Поэтому Комитет заключает, что заключение семьи под стражу на срок с 19 марта 2014 года по 2 апреля 2014 года имело основания в национальном законодательстве.

10.5 Комитет напоминает, что задержание или содержание под стражей могут соответствовать внутреннему законодательству, но тем не менее быть произвольными²². Понятие «произвольности» не следует приравнивать к понятию «противозаконности», а следует толковать более широко, включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности²³. В этой связи Комитет отмечает, что решения Окружного суда Осло от 19 марта 2014 года и Высокого суда Боргартинга от 25 марта 2014 года были основаны не на обязательной норме, касающейся широкой категории лиц, а на оценке вопроса о заключении семьи под стражу в свете конкретных обстоятельств их дела. В частности, судами был сделан вывод о неприемлемости избрания мер, не связанных с лишением свободы, учитывая наличие конкретных оснований подозревать, что семья может скрыться: она превысила срок выезда из Норвегии более чем на год и не сотрудничала в отношении своего возвращения; в частности, в момент их предыдущей высылки в Афганистан авторы заявили, что не являются афганскими гражданами.

10.6 Комитет принимает к сведению доводы авторов относительно условий содержания под стражей (см. пункты 2.4–2.7 выше). Комитет напоминает, что, несмотря на то, что условия содержания в заключении рассматриваются в первую очередь в статьях 7 и 10 Пакта, такое содержание может быть произвольным, если обращение с задержанными не отвечает той цели, которая указана как основание для заключения под стражу²⁴. Кроме того, решения относительно заключения под стражу мигрантов также должны учитывать последствия принудительного содержания для их физического или психического здоровья²⁵. Любое принудительное содержание, диктуемое соображениями необходимости, должно иметь место в приемлемых и отвечающих санитарным нормам и не тюремных помещениях, пребывание в которых не должно являться наказанием²⁶. На основании имеющейся в деле информации Комитет считает, что авторы не доказали, что обращение с ними во время содержания под стражей не соответствовало цели, с которой они были задержаны. В свете вышеизложенного Комитет не может заключить, что содержание семьи под стражей в период с 19 марта 2014 года по 2 апреля 2014 года стало нарушением их прав по статье 9 Пакта.

10.7 В то же время Комитет принимает к сведению утверждение авторов о нарушении прав их сына по статье 24 Пакта. Комитет вновь заявляет, что принцип обеспечения наилучших интересов ребенка является неотъемлемой частью права каждого ребенка на такие меры защиты, принятие которых необходимо в силу его статуса несовершеннолетнего со стороны его семьи, общества и государства, как того требует статья 24 (пункт 1) Пакта²⁷. Комитет напоминает о совместном замечании общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 Комитета по правам ребенка (2017) об обязательствах государств в

²¹ Предложение, внесенное в парламент Норвегии, № 3 L (2010-2011), с. 55, и предложение, внесенное в парламент Норвегии, № 138 L. (2010–2011), р. 54

²² Замечание общего порядка № 35 (2014) о свободе и личной неприкосновенности, п. 12.

²³ Там же.

²⁴ Там же, п. 14.

²⁵ Там же, п. 18.

²⁶ Там же.

²⁷ *Маалем против Узбекистана* (CCPR/C/123/D/2371/2014), п. 11.8; *Бахтияри против Австралии* (CCPR/C/79/D/1069/2002), п. 9.7.

отношении прав человека детей в контексте международной миграции в странах происхождения, транзита, назначения и возвращения, согласно которому содержание под стражей ребенка на основании миграционного статуса его родителей представляет собой нарушение прав ребенка и противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка, принимая во внимание вред, который наносит любое лишение свободы, и те негативные последствия, которые иммиграционное содержание под стражей детей может иметь для их физического и психического здоровья и развития, и что возможность заключения детей под стражу только в качестве крайней меры не распространяется на иммиграционные процедуры²⁸. Комитет также отмечает практику Европейского суда по правам человека, в которой этот суд проводил оценку на предмет установления нарушения статьи 3 Европейской конвенции по правам человека в контексте заключения детей под стражу в связи с их иммиграционным статусом на основании трех факторов, а именно: возраст ребенка, соответствующие условия в помещениях, в которых содержится ребенок, и продолжительность содержания под стражей²⁹. Комитет далее отмечает, что суд подчеркивал, что особая уязвимость несовершеннолетнего ребенка является решающим фактором при оценке, который имеет приоритет над иммиграционным статусом родителей этого ребенка³⁰.

10.8 В данном деле Комитет принимает к сведению утверждения авторов о том, что помещения центра в Трандуме были плохо оборудованы для размещения семей с маленькими детьми более чем на одну ночь, и предоставленную ими информацию о том, что большинство семей больше одной ночи в этом центре не проводят. Комитет принимает к сведению также утверждения авторов о том, что семья была размещена в маленькой камере, которую, по крайней мере первоначально, на ночь запирали, и их заявление о том, что их сын был напуган присутствием полиции. Комитет далее принимает к сведению их утверждения о том, что семейный блок не отделен от остальной части центра, поэтому их сын слышал крики и вопли содержащихся под стражей лиц, в том числе всякий раз, когда они выходили на открытую площадку или перемещались для консультации с врачом или адвокатом. Комитет принимает к сведению заявление авторов о нарушении режима сна их сына, который перестал спать по ночам, что Служба социальной защиты детей объяснила отсутствием активности в течение дня. Комитет принимает к сведению также предоставленную авторами информацию о том, что согласно докладу Комитета по правам человека Норвежской психологической ассоциации условия в центре в Трандуме не позволяют содержать в нем детей, что он функционирует как тюрьма, а психологов или психиатров туда практически не допускают. Комитет также принимает к сведению информацию авторов о том, что, согласно докладу, в семейном блоке невозможен тесный физический контакт, в котором могут нуждаться дети, что с игровой площадки видны высокие ограждения из колючей проволоки, что детям не разрешается иметь при себе свои игрушки, мягкие игрушки или одежду, а родители не могут определять режим жизни своих детей. Комитет принимает к сведению информацию авторов о том, что Омбудсмен парламента Норвегии, действующий в качестве национального превентивного механизма против пыток и жестокого обращения, подверг этот центр критике в связи с неподходящими для детей условиями из-за уровня шума от расположенного неподалеку аэропорта и из-за того, что семейный блок не отделен от других блоков, в связи с чем дети становятся свидетелями беспорядков, инцидентов с членовредительством и попыток самоубийства. Комитет принимает к сведению также информацию авторов о том, что глава Норвежского союза социальных педагогов и социальных работников пришел к выводу об отсутствии в центре удовлетворительной психосоциальной среды для детей. Комитет далее принимает к сведению утверждения авторов о том, что государственные органы не предприняли ничего для избрания других, менее интрузивных, чем содержание под стражей, мер, таких как размещение семьи в ином виде жилья или наложение на нее обязательства сообщать о своем местонахождении, и что они не приняли должным образом во внимание положение их

²⁸ Совместное замечание общего порядка № 4/№ 23 (2017), пп. 5, 9 и 10.

²⁹ European Court of Human Rights, *N.B and others v. France*, Application No. 49775/20, 31 March 2022, para. 46; *M. and others v. France*, Application No. 33201/11, 12 July 2016, para. 70; *S.F. and others v. Bulgaria*, Application No. 8138/16, 7 December 2017, paras. 78–83.

³⁰ *N.B and others v. France*, para. 47.

сына. В этой связи Комитет принимает к сведению, что в письме от 6 июня 2018 года Министерство юстиции и общественной безопасности сообщило авторам, что оно «по собственной инициативе рассмотрело особые обстоятельства 76-дневного пребывания г-на Вахаджа Али в учреждении в Грандуме» и «приняло решение выделить ему 70 000 [норвежских крон] в качестве компенсации». Комитет принимает к сведению также информацию сторон (см. пункты 5.6 и 6.7 выше) о том, что 31 мая 2017 года Высокий суд Боргартинга, рассматривая дело о содержании еще одной семьи с детьми в центре в Грандуме, счел продолжение содержания этой семьи под стражей несоразмерным и установил факт нарушения статей 3, 5 (пункт 1) и 8 Европейской конвенции по правам человека, статей 3 и 37 (пункты а) и б)) Конвенции о правах ребенка и статей 93 и 94 Конституции Норвегии.

10.9 Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что содержание семьи в центре в Грандуме было сочтено крайней мерой в связи с оцененным риском побега авторов до исполнения постановления о депортации. Вместе с тем Комитет отдельно принимает к сведению утверждения авторов относительно характеристик центра в Грандуме и условий в нем, а также его непригодности для детей, что было подробно изложено в предыдущем пункте, и считает, что разумная оценка всех обстоятельств привела бы к выводу о недопустимости содержания ребенка под стражей в течение столь длительного периода времени, как в данном случае. Таким образом, Комитет считает, что, поместив сына авторов под стражу в таких условиях, какие существовали в центре, и не рассмотрев должным образом возможные альтернативные меры, не связанные с лишением свободы, государство-участник не уделило должным образом первоочередное внимание наилучшему обеспечению его интересов в нарушение его прав по статье 24 Пакта.

11. Комитет, действуя в соответствии со статьей 5 (пункт 4) Факультативного протокола, считает, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении государством-участником прав сына автора по статье 24 Пакта.

12. В соответствии со статьей 2 (подпункт 3 а)) Пакта государство-участник обязано обеспечить сыну авторов эффективное средство правовой защиты. Для этого оно обязано предоставить полное возмещение лицам, чьи права по Пакту были нарушены. Соответственно, государство-участник обязано, в частности, предоставить сыну авторов адекватную компенсацию за допущенные нарушения его прав. Ему следует также не допускать повторения подобных нарушений в будущем.

13. Учитывая тот факт, что, присоединившись к Факультативному протоколу, государство-участник признало компетенцию Комитета определять наличие или отсутствие нарушений Пакта и что согласно статье 2 Пакта государство-участник обязалось обеспечивать всем находящимся в пределах его территории или под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в Пакте, и в случае установления нарушения обеспечить эффективное и действенное средство правовой защиты, Комитет хотел бы получить от государства-участника в течение 180 дней информацию о мерах, которые были им приняты для реализации соображений Комитета. Он также просит государство-участник опубликовать настоящие соображения и обеспечить их широкое распространение на официальном языке государства-участника.

Annex I

Joint opinion of Committee members José Manuel Santos Pais and Imeru Tamerat Yigezu (partially dissenting)

1. We regret not being able to fully agree with the majority of the Committee in the present Views. We consider instead that there was also a violation of the authors' rights and their son's rights under article 9 of the Covenant.

2. The authors have exhausted all effective domestic remedies with a reasonable prospect of success as regards the full time of their detention, given the judgments of the Supreme Court of 1 April 2014, the limited scope of the Court's review and its lack of express consideration for the grounds invoked by the authors concerning their human rights. In our view, unlike the majority's rather questionable and formal reasoning (para 9.3), not just the detention period from 18 March until 2 April 2014 but the whole period of the detention of the authors and their son should have been considered. There is in fact no evidence that an appeal jurisdiction would have found the detention of the authors illegal at any earlier or later point in time as of April 2014.

3. By a decision dated 19 March 2014, the Oslo District Court ordered the detention of the family until 2 April 2014, considering that it had not left Norway for more than one year after the imparted deadline and that there was a real possibility that the family might abscond. The Court concluded that the family would not return to Afghanistan voluntarily, that there were no alternatives to detention and that the detention was not disproportionate. The family was to be detained at Trandum centre (para 2.2).

4. This decision was upheld by the Borgarting High Court on 25 March 2014 and in twin decisions by the Supreme Court on 1 April 2014 (para 2.3). The Supreme Court stated, in this regard:

“The Supreme Court, sitting in a three-judge formation, observes that its competence is limited to reviewing the case management and the legal interpretation of the High Court: Criminal Procedure Act s 388 (1), finds unanimously that it is clear that the appeal cannot succeed. The appeal is refused pursuant to Criminal Procedure Acts 387 (a) (1).”

No further arguments were provided.

5. The Oslo District Court took subsequent decisions extending the family's detention on 2 April, 30 April, 14 May (upheld by Borgarting High Court on 16 May) and 28 May 2014. The reasoning in the first decision of 19 March was the same in all subsequent decisions (para 2.3), meaning that the detention of the authors and their son, which lasted for 76 consecutive days, continued to be held proportionate by domestic courts during this whole period.

6. Detention of the authors at Trandum centre profoundly impacted them and their son (paras. 2.4–2.5 and 7.2) and even the State party acknowledges difficulties (paras. 6.1–6.5). This centre was considered unsuitable for children by the Human Rights Committee of the Norwegian Psychological Associations, as well as the Ombudsperson of the Norwegian Parliament and the National Preventive Mechanism. The head of the Norwegian Union of Social Educators and Social Workers argued that detention of children in Norway was unlawful and that the centre provided an unsatisfactory psychosocial environment (para 2.6). Even the authority responsible for the centre, the National Police Immigration Service, acknowledged that the centre was not “an optimal place for a child” (para 2.7).

7. The authors considered that they had no reasonable prospect of success in engaging further remedies for successive prorogations of their detention (para 2.8). In this regard, the State party notes that the Supreme Court has held that courts must assess petitions for continued detention more stringently as time progresses (Rt. 2007, p. 797) (para 4.3). However, domestic courts continued to extend the family's detention, holding it to be proportionate each time. The Supreme Court's judgments of 1 April 2014 (see para. 4 above) were among the first in which it pronounced itself on the detention of child migrants. The

Supreme Court, however, even two years after the authors and their son had been removed to Pakistan in June 2014, still rejected, in 2016, an appeal brought to it against child detention (involving detention of a family for 8 days as opposed to the detention for 76 days in the present case (para. 4.3)). Moreover, the Supreme Court has never declared detention of families with infant children at Trandum centre to be illegal (paras. 2.8 and 5.1) and considered itself barred from reviewing proportionality and necessity of detention and any new facts (para 5.4), an argument that the State party acknowledges (para. 6.8).

8. Judicial decisions of 30 April and 14 May 2014, even with doubts on the disproportionate nature of the remand, still extended it with the same justification (paras. 6.2–6.3), although courts should have assessed petitions for continued detention more stringently as time progressed (see para. 7 directly above). Moreover, domestic courts have not seriously considered the best interests of the child. Although detention may have been held lawful and proportionate at the outset of the family’s detention, it became arbitrary and disproportionate with its successive prorogations as regards both the authors and their child. Probably for similar reasons to these, by a judgment of 31 May 2017, three years after the removal of the authors, the Borgarting High Court finally declared the detention in 2014 of a family with children at Trandum centre, for a “much shorter period”, to be illegal (para. 5.6).

9. Even the rationale for ordering the family’s detention remains questionable. In its decision of 25 March 2014, Borgarting High Court dismissed alternatives to detention since the authors had not stated where they would reside other than at Trandum centre. Their counsel, however, clearly suggested at the time that they were willing to stay at an asylum centre instead (paras. 3.1 and 3.4).

10. We therefore fail to see which effective remedies with a reasonable prospect of success the authors would need to have pursued in order to challenge the whole duration of the family’s detention. Such detention, from 19 March until 2 June 2014, was therefore arbitrary and disproportionate, entailing a violation of article 9 of the Covenant as regards the whole family.

Annex II

Joint opinion of Committee members Arif Bulkan and H el ene Tigroudja (partially dissenting)

1. We agree with the conclusion of the majority on the violation of article 24 of the Covenant regarding the rights of the authors' child due to his detention, a violation that was implicitly acknowledged by the State party itself through the *ex gratia* payment of "compensation" [sic] for his 76-day detention. As clearly stressed by many universal and regional human rights organs, such as the Committee on the Rights of the Child, the Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, the Working Group on Arbitrary Detention, the Inter-American Court of Human Rights and the European Court of Human Rights, the deprivation of the liberty of a child based exclusively on the migratory status of their parents is at odds with the special protection that their condition of childhood demands. In its Advisory Opinion OC-21/14 of 19 August 2014, the Inter-American Court of Human Rights drew the clear distinction between the deprivation of liberty within the context of criminality (under the juvenile criminal system) and detention in migration proceedings. The same standards cannot apply to both and in the latter context, the San Jos e tribunal highlighted that "the deprivation of liberty of children based exclusively on migratory reasons exceeds the requirement of necessity, because this measure is not absolutely essential in order to ensure their appearance at the immigration proceedings or to guarantee the implementation of a deportation order".³¹ Endorsing this position and joint general comment No. 4 of the Committee on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families/No. 23 of the Committee on the Rights of the Child (2017) on State obligations regarding the human rights of children in the context of international migration in countries of origin, transit, destination and return,³² the majority of the Committee found a violation of article 24 of the Covenant based on the failure of the State party's authorities to provide special protection to the authors' 2-year-old child.

2. Quite oddly, however, the majority of the Committee simultaneously concludes that there was no violation of article 9 of the Covenant (regarding individual liberty) with respect to the authors and their child. This conclusion is factually and legally inconsistent with its finding that the provisions of article 24 had been breached. Factually, it is impossible to respect the best interests of a 2-year-old child in the context of immigration proceedings while ignoring the corresponding necessities of the parental role. There is no way for any State party to respect its obligations in respect of a minor child while detaining his or her parents, as children of such tender years cannot function independently. Accordingly, detention of parents in such a context is arbitrary and a violation of article 9; alternatively, the majority's position sets an unattainable standard. More critically, this approach is fraught with danger, as it could encourage States parties to separate children from their parents.

3. The majority of the Committee missed one of the main claims of the authors, that is to say, the arbitrariness of the family deprivation of liberty (para. 3.1), and conducted an artificial examination of the situation of the 2-year-old child under article 24 of the Covenant separately from the detention issue under article 9. Our position is that these two claims cannot be examined separately: for the above-mentioned reasons, the 2-year child should under no circumstance have been placed in detention and the State's representation of the nature of the facilities is irrelevant. The necessity test for depriving the parents of their own liberty should therefore have figured more prominently: it was not sufficient to mention that they had "sufficient grounds", as indicated by the State migration authorities, to detain the parents (para. 6.11). The special vulnerability of the 2-year-old child should have compelled them to find measures alternative to the family's deprivation of liberty.

¹ Inter-American Court of Human Rights, Rights and guarantees of children in the context of migration and/or in need of international protection, Advisory Opinion OC-21/14 of August 19, 2014, Series A, No. 21, para. 154.

³² For the relevant reference, see also paragraph 10.7 of the present Views.

4. In the face of the authors' claim, the State party's reliance on the "family unit" principle (para. 6.11) was both cynical and insensitive to evolving notions of children's rights. The position that children must stay with their parents, including when the parents are deprived of liberty, cannot be used as a shield. As stressed by the European Court of Human Rights in *Popov v. France*, "whilst mutual enjoyment by parent and child of each other's company constitutes a fundamental element of family life ... it cannot be inferred from this that the sole fact that the family unit is maintained necessarily guarantees respect for the right to a family life, particularly where the family is detained".³³ This means that States cannot use the "family unit" principle to breach the best interest of the child. In addition, the State party's arguments attest to a concerning disregard for the child's mental, emotional and physical development. In its submission to the Committee, the State party argues that the child was very young and thus unappreciative of the stressful environment of the detention facilities (see especially para. 6.3). Such reasoning, however, ignores the special vulnerabilities of children, including even very young children. States cannot justify the detention of a family with infants by merely invoking the argument that all that they need is to remain with their parents. Children, including very young children, are extremely fragile and their mental, emotional and physical development should be treated as an important factor when the necessity test for the deprivation of the liberty of the family is being considered.

5. In the present case, the State's authorities have taken the parents' migratory situation as the starting point for an analysis of the necessity and proportionality of the family deprivation of liberty. Considering the very young age of the child and his extreme vulnerability, they should instead have taken the child's rights as the starting point and given it due weight in the decision-making process regarding the family as a whole. As a result of the State's authorities' not having done so, we consider that the facts disclose a violation not only of article 24 of the Covenant but also of article 9 with respect to the family.

6. To conclude, we would like to welcome the implicit acknowledgement by the State party of the violation of the authors' son's rights, as indicated by its *ex gratia* payment to the authors. The gravity of the facts and the vulnerability of the child should, however, have led the State party to recognize more clearly and unequivocally the wrongdoings of its authorities and the breaches of the Covenant in order to provide guarantees of non-repetition.

³³ European Court of Human Rights, *Popov v. France*. Application Nos. 39472/07 et al., Judgment, 19 January 2012, para. 134.

Annex III

Joint opinion of Committee members Furuya Shuichi and Marcia V.J. Kran (dissenting)

1. We have come to a different conclusion from that of the majority of the Committee and would not find a violation of the rights of the authors' son under article 24 of the Covenant.
2. The issue in this case is whether the authors have demonstrated that the State party failed to adequately protect their son, as required under article 24 of the Covenant, by detaining him in Trandum centre between 19 March 2014 and 2 April 2014.
3. As regards the problems specified by the authors regarding the Trandum centre, their main allegations are that, while detained, (a) they were housed in a small cell which was locked at night; (b) there was a lack of daytime activities for their son who was between 1 and 2 years of age; (c) their son had no access to toys; and (d) he had no access to psychological care. The authors also argued that the State party had not considered less intrusive measures than detention in the Trandum centre.
4. The State party has rebutted each claim, noting that the recommendations of the Norwegian Child Welfare Service were implemented to ensure physical and psychological integrity and human dignity for the authors' son. After five days, on 24 March 2014, the family's room was not locked at night, the family was moved to a more suitable room near the children's playroom and their son was examined by qualified medical personnel so that the cold he had developed could be treated. The State party submits that the Borgarting High Court did consider less intrusive measures on 25 March 2014.
5. The authors and the State party consequently have differing perspectives on whether the authors' detention at the Trandum centre met the requirements for the detention of a child within the immigration context.
6. As noted in the majority opinion, the period of detention for which all domestic remedies were exhausted was the 15-day period from 19 March 2014 to 2 April 2014. The conditions in the Trandum centre must consequently be measured against the prevailing requirements for the detention of children in the immigration context in March and April 2014. The majority's reference to heightened standards for detention of children which were later developed holds the State party to a standard that did not exist at the time, which is contrary to the general principle against retroactive application of law.
7. The requirements with respect to detention of children in the immigration context in March and April 2014 can be found in relevant international documents and guidelines from this time period. First, the jurisprudence of the Human Rights Committee and Committee on the Rights of the Child general comment No. 14 (2013) on the right of the child to have his or her best interests taken as a primary consideration specify that the primary consideration for any action involving minors is the best interests of the child. Second, as indicated by the Committee on the Rights of the Child in its concluding observations and decisions on individual complaints and in the reports of the Special Rapporteur on the human rights of migrants, children should not be separated from their family. Third, under the Guidelines on the Applicable Criteria and Standards relating to the Detention of Asylum-Seekers and Alternatives to Detention of the Office of the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), it is required that all asylum-seekers be treated in a humane and dignified manner. Under the applicable standards it is also specified that detention should not be punitive; family accommodation must be found; appropriate medical treatment must be given; physical recreational activities must be allowed; and the detention of children should be considered a last resort.
8. Applying the 2014 standard to the present case, the evidence demonstrates that the State party undertook an ongoing assessment of the best interests of the child and concluded that he should not be separated from his parents. The State party submitted that their Child

Welfare Service recommended that the family's detention room not be locked, that the family be moved closer to the children's play area and that the child have access to recreational activities. All of those recommendations were immediately implemented. The Child Welfare Service visited the family at different times during their detention to ensure that the child was receiving adequate treatment. The child was provided with medical services. Moreover, the State party has indicated that less intrusive measures were in fact considered by the Borgarting High Court of 25 March 2014 but that detention at the Trandum centre was determined to be necessary owing to the risk of the family's absconding, as they had not cooperated with respect to their initial return to Afghanistan. In sum, the evidence before the Committee shows that the State party acted in consonance with the requirements regarding the detention of children in the immigration context that existed in 2014. As these detention standards have since developed, the outcome might have been different had today's standards been applied to the same set of facts. This communication relates, however, to an earlier period of time.

9. The State party indicated that, owing to problems associated with the Trandum centre, the family unit was moved to a new location in 2017. This later modification along with the 2018 legislative amendments to domestic law on children in an immigration context demonstrates the responsiveness of the State party to evolving standards on child detention in the immigration context.

10. In the light of the foregoing, there is an insufficient basis for finding that the State party did not adequately meet the requirements for child detention in March and April 2014. We are therefore unable to find a violation of article 24 of the Covenant.

Annex IV

Individual opinion of Committee member Duncan Laki Muhumuza (concurring)

1. I am glad to associate with the majority view with the following additions.
2. In my view, there is a violation by the State party under article 24 of the Covenant.
3. The communication concerns the detention of the authors and their son, who was between 1 and 2 years of age at the time, in the Norwegian Police Immigration Detention Centre at Trandum for 76 consecutive days. The authors note that on 18 July 2012, the Directorate of Immigration rejected their asylum application. The Immigration Appeals Board rejected their appeal on 5 February 2013 and ordered them to leave Norway by 13 March 2013. Fearing for their lives in Afghanistan, they appealed this decision but did not receive favourable decisions on 18 and 22 March 2013. On 17 March 2014, the authors were deported to Afghanistan. However, on arrival in Kabul, the authors claimed to be Pakistani nationals, resulting in a refusal by the Afghan authorities to admit them. Upon being returned to Norway on 18 March 2014, the authors and their son were detained at the Police Immigration Detention Centre.
4. The next day, on 19 March 2014, the Oslo District Court ordered the family's detention until 2 April 2014. The Court considered that because the authors had not left Norway for more than one year after the deadline, this supported a real possibility that they might abscond. This, together with the false claim of Pakistani nationality, led to the unfavourable Court decision. The Court concluded that they would not return to Afghanistan voluntarily and that owing to the risk of their absconding, there were no alternatives to detention. My considered view is that all this should have directed the Court towards deciding in favour of the authors. Indeed, they cannot voluntarily return to Afghanistan where their lives would be at great risk.
5. I therefore opine that the State party was in violation on the following grounds;

The treatment of the infant was cruel and inhumane and the author's son's status as a minor was completely ignored. He was treated as an adult and subjected to conditions that were deemed unsuitable even for adults. The child's rights under the Covenant are not conditional on his parent's status.
6. The claims by Norway that the authors' son had access to outdoor playing areas evidence a minimalistic approach to the State party's fulfilment of its obligations relating to the right of a child. Having separated the child from his parents, the State party, as the primary duty bearer, ought to have found appropriate alternatives to detention in a prison-like facility in order to serve the best interests of the child.³⁴
7. In a report by the Human Rights Committee of the Norwegian Psychological Association, it is stated that the facility at Trandum is not suitable for children. It functions like a "prison" and allows access to hardly any psychologists or psychiatrists. It is noted in the report that the family unit does not allow for close physical contact which children may need and that tall barbed wire fences are visible from the outdoor playing area. Children are not allowed to retain their toys, stuffed animals or clothes and parents cannot regulate the lives of their children. The environment is characterized by stress and instability. In December 2015, the Ombudsperson of the Norwegian Parliament and the National Preventive Mechanism against Torture and Ill-Treatment criticized the centre as being unsuitable for children both because of the level of noise coming from the country's biggest airport nearby and because the family unit is not shielded from other units, which results in the exposure of children to riots, incidents involving self-harm and attempted suicides. The head of the Norwegian Union of Social Educators and Social Workers has argued that detention of children in Norway is unlawful, that the centre does not offer a satisfactory

³⁴ As described in para. 2.6 of the communication.

psychosocial environment for children and that current practices breach the Convention on the Rights of the Child. The authors' son's sleep pattern became so distorted that he would remain awake at night. The Child Welfare Services attributed this phenomenon to lack of engagement in activities during the day. The authors' son became increasingly ill, showing signs of aggressive behaviour, particularly after 10 p.m. On one evening when he was in a particularly bad state, the authors requested, unsuccessfully, that they be allowed to go to the playing room and see a doctor, which led them to look for items that they could use to commit suicide. When the Child Welfare Services took them out of the centre so that their son could play, numerous uniformed police officers were in attendance, making them feel like criminals.³⁵

8. In my opinion, this treatment of the authors' son amounts to cruel "punishment" arising from the actions of his parents, which the State party was seeking to remedy, namely, the separation of the child from his parents, contrary to the provisions of article 9 of the Convention on the Rights of the Child. This separation was initiated by the State party and direct contact with his parents was not maintained. It was therefore a disproportionate measure taken by the State party in handling the matter because it breached the authors' rights to have the decision of the courts enforced.

9. There was indeed a failure by the State party to recognize that the child is an independent individual, with unique rights accruing to him by virtue of his status as a minor. The authorities did hardly anything to put forth other, less intrusive measures than detention, such as placing the family in another kind of accommodation or obliging them to report on their whereabouts, a condition that the authors had indicated they would accept."³⁶

10. I would therefore have concluded for a violation of the authors' rights under article 24 of the Covenant owing to the disproportionate measures taken during pre-removal detention. It is regrettable that the Committee could not find a violation in the face of the overwhelming infractions outlined above. Moreover, considering the situation in Afghanistan, as reported in the mainstream media and in official reports of various monitoring agencies, the Committee ought to take judicial notice that to deport anyone in such circumstances is to put their lives in jeopardy. This must be seen for what it is – a violation of the authors' human rights.

³⁵ Para. 2.5 of the communication.

³⁶ Para. 3.4 of the communication.